

АЛЕКСАНДР АННИН

КЛУБ «МОНРЕАЛЬ»

«Клуб «Монреаль» — это роман о поруганной любви подполковника Максима Басова, о безуспешных попытках зрелых, солидных людей вновь воротиться в пору своей молодости, «догнать вчерашний день»... Это роман о жестокой, не признающей моральных законов борьбе за место под солнцем и... тяжких внутренних разногласиях между оперативниками убойного отдела. А также — об отчаянных попытках «маленького человека» восстановить справедливость, поставив на кон свою собственную жизнь.

Как в прежних романах о сыщиках-напарниках Максиме Басове и Алексее Матушкине («Тень акулы», «Час Матадора», «Бриллиантовая афера»), в романе «Клуб «Монреаль» присутствует тайная, персонифицированная сила зла. Имя ей — академик Анатолий Ардашкин, который сумел овладеть методами манипуляции сознанием.

Александр Аннин

КЛУБ «МОНРЕАЛЬ»

Пролог

Начало августа выдалось дождливым и холодным. Начиная с Ильина дня, латунное небо изливало на Москву потоки воды, ненадолго утихавшие лишь затем, чтоб уступить место порывистому, не ко времени, осеннему ветру.

Недаром в народе говорят: «На Ильин день до обеда — лето, а после обеда — осень». Довольно странная, кстати, поговорка, если учесть, что по старому стилю память Ильи Пророка отмечают едва ли не в самый разгар июля.

Распорядитель ночного клуба «Монреаль» Вениамин Андреевич Егоршин выглянул в окно своего кабинета, увидел, как в сгустившихся сумерках гнется под напором ветра высоченная береза (надо будет приказать спилить ее к едрене фене!) и уже в который раз пробурчал себе под нос:

— Погода шепчет: займи, но выпей...

В последнее время Егоршин перешел исключительно на смирновскую водку штатовского производства — не пить же, в самом деле, датскую, до этого он еще не дошел. Дело в том, что врач Вениамина Андреевича, видя всю бесплодность

своей агитации за трезвый образ жизни, посоветовал Егоршину, коль скоро он не может совсем отказаться от спиртного, употреблять какой-нибудь один сорт напитка, желательно — «беленькую» высшего качества. И никаких тебе виски, джина, коньяков и — упаси Боже! — ликеров.

Для того, чтоб внять шепоту погоды и выпить, Вениамину Андреевичу не требовалось занимать денег. Закрома клуба «Монреаль» ломились от разнообразных сортов горячительного. Вениамин Андреевич как-то шутки ради произвел нехитрые вычисления и пришел к выводу, что клубных запасов выпивки должно хватить ему лет эдак на двадцать, даже с учетом запредельного литража потребления.

Открытие это, впрочем, отнюдь не было отрадным для распорядителя «Монреалья». Во-первых, сам факт подобных вычислений говорил о том, что других дегустаторов арсенала клуба «Монреаль», помимо толстяка Егоршина, можно было принимать в расчет лишь условно, ибо таковых осталось совсем немного. Во-вторых, Вениамин Андреевич не был уверен даже в том, что проживет еще хотя бы двадцать дней, не то что два десятка лет.

Эти «летальные» предчувствия резко изменили характер и поведение распорядителя

клуба «Монреаль». Он был то желчным, то наигранно беспечным; шутки и выходки, которые он проделывал в кругу приятелей, не раз заставляли тех усомниться в его умственном здравии. Впрочем, друзья списывали очередной фортель Вениамина Андреевича на перманентное состояние опьянения. Нечего было и думать, что в таком состоянии Егоршин всерьез возьмется за наведение порядка в своем заведении.

Как-то разом, в одночасье «Монреаль» утратил былую популярность среди богатых и знаменитых, а людям среднего достатка делать здесь было нечего — цены в клубе традиционно держались на заоблачном уровне. И снижать их у Егоршина не было ни малейшего желания. Всякий раз, махнув «беленькой», Вениамин Андреевич обретал какую-то отчаянную решимость «стоять до конца», удерживать свои позиции в рейтинге ведущих VIP — клубов столицы. И почему-то эта решимость (качество само по себе похвальное для бизнесмена) распространялась исключительно на «ломовые» расценки, которые, к тому же, постоянно пересчитывались по курсу стремительно растущего доллара.

С какого же такого перепугу представители бомонда и финансовой элиты вдруг, будто сговорившись, перестали бывать в «Монреале»?

Логически объяснить это Вениамин Андреевич не мог. Случилось, правда, за последнее время несколько фатальных событий, которые никакому заведению не прибавят популярности.

Так, с месяц назад в туалете при клубном ресторане расстреляли малоизвестного провинциального мафиози. Затем один из довольно уважаемых клиентов предъявил претензии, что подхватил дурную болезнь от девочки из «Монреалья», однако при тотальной врачебной проверке выяснилось, что все гейши абсолютно здоровы, даже элементарного герпеса ни у одной не нашлось...

Но, сами понимаете, репутацию «чистого» борделя клуб утратил навсегда. Как там в известном анекдоте? «Семеновых на праздник приглашать не будем. В прошлый раз после их визита серебряные ложки пропали». — «Да что ты говоришь! Семеновы — самые порядочные люди на свете!» — «Так то оно так, и ложки потом нашлись... Но неприятный осадок на душе остался».

И все-таки причины того, что по вечерам танцпол, ресторан и нелегальное казино клуба «Монреаль» оставались практически безлюдными, были тоньше, и объяснять их одними только вышеупомянутыми эксцессами было бы неумно. Прямо скажем, неправильно бы это было. Просто в

клубе как-то незримо изменилось настроение, атмосфера. Было ли тому причиной вечно пьяное, обрюзгшее лицо Егоршина? Или невесть откуда возникшие хамские нотки в интонациях заворовавшихся крупье и официантов?

Да, разумеется. И Егоршин живо представлял себе такой вот приблизительно разговорчик между какими-нибудь приятелями-толстосумами: «Ну что, сегодня вечером, как обычно, в «Монреаль?» — «Да ну его... Там уже не то, что раньше, кисло как-то. Я тебе лучше одно новенькое местечко покажу, высокий класс!»

И вирус неприязни к излюбленному когда-то ночному клубу мгновенно охватил всех завсегдатаев, зародившись в момент такого вот примерно разговорчика. А где взять новых членов клуба, на каком призывном пункте? Случайный гость, заглянув в «Монреаль» и увидев скупающих барменов, пустынный ресторан и чрезмерно назойливых из-за отсутствия клиентов девочек, второй раз здесь уже не появлялся. Коли никто сюда не ходит, то и мне здесь делать нечего — резонно рассуждал такой посетитель.

Вениамин Андреевич снова плеснул себе в высокий бокал с толстым дном, выпил, загрыз лимончиком. И опять стал мысленно репетировать свой телефонный отчет перед истинным, теневым хозяином клуба академиком Ардашкиным,

пребывавшим ныне в неизвестных широтах.

Ну, конечно же, надо будет сказать о визите представителей «Мосэнерго», объявивших о повышении тарифов на электроэнергию (причем пересчет оплаты надо было произвести аж с начала года, и даже у поддатого Егоршина глаза повылезали из орбит, когда до него дошел размер семизначной суммы). Мириады огней, бегущих по фасаду и крыше «Монреалья», не затухали ни днем, ни ночью...

Егоршин кинулся из одной крайности в другую: приказал гасить электричество в светлое время суток. Однако даже при отключенном наружном освещении и минимальном внутреннем потреблении счетчики фиксировали фантастический расход электричества! Что за мистика?

И тут Егоршин понял, что сотни и тысячи киловатт поглощает таинственное электронное оборудование, расположенное в где-то в недрах подвальных лабиринтов клуба «Монреаль». Да-да, то самое оборудование, которое, по предположению Вениамина Андреевича, было установлено не иначе, как для слежки за всеми посетителями — как постоянными, так и разовыми, случайными. Скорее всего, именно ради сбора столь полезной информации академик Ардашкин и основал на излете 90-х этот претенциозный

развлекательный клуб. Прибыль была делом второстепенным...

Вениамин Андреевич, поминутно озираясь, спустился в подвал. Ну, с первым подземным этажом он был знаком хорошо, мог перемещаться здесь с закрытыми глазами: тут располагались апартаменты нелегального борделя. Что ж, спустимся еще на два пролета... Здесь тоже все привычно и давным-давно изучено по квадратным сантиметрам: подпольное казино со столами для рулетки, блэк-джека, покера, игровыми автоматами, баром и небольшим дансингом.

Чуть вздрагивая, Егоршин продолжал спускаться по «кругам ада» — так он именовал про себя эти наслоения подземных чертогов. На самое дно многоярусного сооружения под названием клуб «Монреаль» вела уже не та широкая, крытая ковром лестница, что была доступна для осведомленных посетителей борделя и казино... Теперь, на пути к неизвестности, под ногами дебелого распорядителя чуть прогибались узенькие железные ступени.

В кромешной тьме Егоршин водил синим лучом фонарика, он дерзнул наведаться в эти потаённые недра впервые за полтора десятка лет своей бессменной службы... Взгляд уткнулся в серую бронированную дверь, абсолютно гладкую, без намека на замочную скважину.

Егоршин тупо переминался с ноги на ногу, как

вдруг в его нагрудном кармане заверещал мобильный телефон. Вениамин Андреевич вздрогнул, но вовсе не потому, что удивился звонку: в клубе находилась собственная установка ретрансляции сигнала на любую глубину. Просто распорядитель уже нутром чуял, КТО ему звонит...

Нетвердой рукой Вениамин Андреевич поднес аппарат к уху и услышал до обморока знакомый старческий голос:

— Вы, кажется, заблудились, милейший?

Больше Вениамин Егоршин не спускался в подвал. От греха...

Он продолжал сокращать расходы: уволил почти всю службу безопасности (кого охранять-то?). Оставил лишь трех бугаев, дежуривших три дня в неделю — пятницу, субботу и воскресенье, когда в «Монреале» худо-бедно собиралось человек сорок.

Снял с довольствия и всех гейш, и теперь для клиента в случае надобности выписывали девочку по телефону. Наконец, Егоршин уволил практически всех крупье, сохранив только двоих, да и то на время уик-эндов. А если кто-то приходил играть среди недели, то обязанности крупье выполнял племянничек Егоршина Сева.

Надо было бы Севку первым уволить, но Вениамин Андреевич не решился... Родной племяш

внушал ему непонятный, а оттого — еще более гнетущий страх.

Итак, отчет для Ардашкина. Хм... Пугал Егоршина не сам предстоящий разговор, а то, что таинственный академик не звонил ему уже две недели. Ну, если не считать того памятного звонка... Это когда Вениамин Андреевич, преодолев некий внутренний барьер, спускался на самое «дно» «Монреалья». Будто подводник в Марианскую впадину. А потом, как и подобает чересчур самонадеянному аквалангисту, был пробкой выброшен наверх. И потом, обессиленный, долго приходил в себя, словно раздавленный черной, безжизненной толщей воды.

Это зловещее молчание академика Ардашкина повергало распорядителя клуба в тихую панику, что, разумеется, вело к увеличению литража потребляемого пойла. Уж лучше бы академик грозно отчитал его, уволил, наконец, чем такое демонстративное игнорирование своего давнего помощника и распорядителя. Это называется — на нем поставили крест. Уж не могильный ли? Может, Ардашкин давно держит связь с племянничком Севкой, получает отчеты от него, а не от вконец завравшегося Вениамина Андреевича?

Было только одно обстоятельство, которое поддерживало толстяка Егоршина, не давало ему совсем уж упасть духом. Только бы продержаться

еще хотя бы неделю... Две недели... Три.

Продержаться среди живых.

И тогда все вернется на круги своя, ресторан и казино вновь заполнятся мужчинами в смокингах и дамами в горностаях и бриллиантах.

«Что ж, по вере вашей да будет вам, Вениамин Андреевич!» — эхом звучал в ушах распорядителя знакомый до ужаса голос.

Глава первая

— Хорошо! — сказал Пашка и тут же с досадой сплюнул тягучую слюну. После горячего укола (два куба «мульки» из отменного героина) хотелось молчать, тупо уставившись в еле различимый проем землянки. А он взял и одним словом «расплескал» налитый в душе и теле кайф.

— Ничего хорошего, — вяло отозвался Странник.

Этот двадцатилетний питерский хиппи добрался до здешних мест бог знает каким образом. У Пашки-то был честь по чести оформленный загранпаспорт с Шенгенской визой и лондонской регистрацией, тогда как Странник мог в случае чего предъявить только замызганный общегражданский российский паспорт старого образца.

На северную Ютландию с ночного неба все сыпала и сыпала нескончаемая водяная крупка.

Мерзкий, пронизывающий ветер, к которому просто нельзя привыкнуть, дул со стороны пролива Скагеррак, и нечего было надеяться хотя бы на малую передышку в неумолимой работе этой чудовищной аэродинамической трубы.

Влажные порывы то и дело захлестывали небрежно выкопанное укрытие, осыпающиеся стены источали могильный смрад. И сама мысль о том, что он находится в центре объединенной Европы, в лоснящемся от роскоши Датском Королевстве, казалась Пашке Долганову дикой до безумия. Это фантастическое ощущение нереальности происходящего пронзало избалованного парня счастливым восторгом.

Они познакомились со Странником несколько дней назад, в Христиании, всемирной столице хиппи. Столица эта являла собой полуразрушенный рабочий квартал в Копенгагене, который в 70-е годы «волосатики» каким-то чудом отвоевали у городских властей, обнесли забором... И зажили здесь по своим законам. С тех пор Христиания превратилась в своего рода Мекку для хиппи всех стран — от Америки до Австралии.

Двадцатидвухлетний студент Оксфорда, сын российского нефтяного воротилы Пашка Долганов быстро прескучился жизнью в британском университетском городке. И, вкоре после не слишком успешной сдачи весенних экзаменов,

юный Долганов — вместо того, чтобы поехать на каникулы в Москву — рванул «по европам». Благо папашины денежки позволяли. Он уже был наслышан о Христиании, о странных людях, населяющих этот почти потусторонний, призрачный город... И посему ноги (а точнее — комфортабельный скоростной поезд) принесли его в Копенгаген.

Поначалу хиппари отнеслись к Пашке с недоверием, а говоря точнее — с откровенной враждебностью. Цивильный, недешевый прикид, короткая стрижка и жизнерадостное, розовое лицо юного Долганова просто не могли вызвать положительных эмоций у изможденных наркотиками, нечесаных и немых хиппи. Но Пашка быстро стал своим среди этого оригинального сообщества: его кошелек, вернее — кредитная карточка — сделалась общим достоянием, что полностью соответствовало неписаным законам хиппи.

Однако сам Долганов был до глубины души разочарован. Он-то рассчитывал угодить на самое дно современного общества, вдохнуть одуряющий аромат морального (да и телесного) разложения, а увиденное им в Христиании было знакомо до боли, и потому острого впечатления не производило. Дома столетней давности отчетливо напоминали родные хрущобы, а нравы здесь мало чем

отличались от суровых законов выживания в российских рабочих окраинах...

Да, люди действительно не мылись в Христиании месяцами, всюду валялся мусор, длинноволосые парни и девушки ходили в довольно-таки замызганных обносках. Жилища, которые власти не раз пытались снести, обветшали до прямой угрозы обрушения, в них не было ничего, кроме убогого топчана да порнографических плакатов.

И вместе с тем в Христиании были магазины, бары, здесь соблюдался относительный порядок — ни тебе поножовщин, ни групповых совокуплений под открытым небом... Юные и не очень юные мамы прогуливались с детишками, а марихуану, оказывается, согласно датским порядкам, можно было курить открыто, не таясь. И, кстати, покупать тоже — в Копенгагене, на Рас...дьяй-стрит, под бдительным и поощряющим взглядом полицейских (мол, как бы не обманули клиента, не подсунули какую-нибудь дрянь вместо «травки»).

Пашка вырос в барачном поселке нефтяников под Тюменью. Те же примерно условия, что в Христиании. Разве только небольшое отличие: куда обильней, чем анашу, взрослые и подростки употребляли в бараках водку. Н-да, не сразу папаня стал миллионером, семейка Долгановых мыкала горе вплоть до конца девяностых, уж Пашка-то

помнит, хоть и мелкий был... И Христиания, которая добропорядочным датчанам представлялась чем-то вроде твердого шанкра на теле Копенгагена, всего лишь навсегда уносила оксфордского студента в не столь далекое детство.

В общем, никакой особой новизны тут для паренька из российской глуши не наблюдалось.

Юный хиппи из Питера, называющий себя Странником, выслушал в заплеванном баре Христиании сетования Пашки и, под воздействием очередной дозы героина, оплаченного богатеньким соотечественником, предложил Долганову отправиться на север, к Скагену. «Только там, братишка, ты сможешь оказаться среди настоящих хиппи, — говорил Странник. — Ну, короче, это люди, которые добровольно стремятся дойти до последнего предела, понимаешь? Живут в землянках, не признают никаких атрибутов цивилизации. Ну, кроме наркотиков и пива. Пиво им туда один добрый барыга привозит, в кегах». «А чем же они питаются, на что наркоту покупают?» — заинтересовался Пашка. «Да местные жители неподалеку от их землянок просроченные продукты сваливают, а уж с дурью — как повезет».

И они двинули на север. За Пашкой и Странником увязался датчанин Йенс — хиппарь без возраста, без прошлого и будущего. Взяли — авось пригодится при знакомстве с пещерными

жителями...

Йенс и вправду сослужил им службу: после его коротких переговоров с угрюмым «викингом», который, очевидно, имел относительный авторитет среди обитателей землянок, вновь прибывшим указали на полуобвалившуюся нору в песчаном холме, хозяин которой недавно отошел в мир иной и был закопан тут же, чуть в стороне от поселения.

И вот они здесь втроем: безразличный ко всему Йенс, питерский бродяга по прозвищу Странник и студент Оксфорда, сын миллионера Пашка Долганов. «Герыча» в кармане у Пашки достаточно, им хватит на необозримо долгое время... В рюкзачке — хавка, которую, правда, кроме Пашки никто практически не потребляет. И курево есть, и выпивка. Даже обильные пожертвования в пользу жителей Христиании не смогли истощить кредитную карточку Долганова.

Час назад Странник умело снарядил «баян»: пять кубов, три — самому питерскому хиппарю, два — начинающему Пашке. Ширнулись... Йенс что-то залопотал по-английски, Странник вопросительно посмотрел на оксфордского студента. Пашка перевел:

— Говорит, ему сразу пять кубов надо, меньше, мол, не забирает... Давай, накачивай, ему видней.

Странник хотел было возразить, что

«герыч»-то чистый, а Йенс, поди, привык к разбавленному, халтурному... Но промолчал: не он тут банкует, так что и варезку разевать нечего.

После укола Йенс лег на земляной пол, длинно вздохнул, забылся. Ну и хрен с ним...

— Надоело мне уже здесь, — буркнул Пашка. — Экзотика хороша в меру. Мотанусь-ка обратно в Оксфорд, там ребята, регби... Я же в команде. Может, на соревнования куда-нибудь рванем.

Страннику было неприятно слышать такие сентенции. «Зажрался, сволочь, вот от скуки и надумал снизойти до нас, сырых и убогих. А теперь натешился, гад, щас в свою Англию жировать вернется, а я? Да кто я для него? Так, диковинное животное, и больше ничего».

Странник вдруг призадумался над своими собственными мыслями. А ведь и впрямь: он давно уже перестал считать себя человеком. Животное, как есть животное. А у животных свои законы жизни. И выживания.

Юный Долганов неотрывно смотрел в проем пещеры, не замечая ни своего собеседника, ни молчаливо скрючившегося на земле Йенса.

Странник нащупал в темноте увесистый булыжник. Удобно сидит сынок миллионера. Вот он, висок, всего каких-то полметра. Ну, метр от силы... Где у него кредитная карточка? Точно, в

левом кармане куртки, это Странник хорошо помнит. Главное, чтоб камень с ладони не соскользнул...

Пещеру пронзил голубой свет фонаря, луч запрыгал по неровным стенам, лицам Долганова и Странника. Снаружи доносились выкрики на малопонятном языке — датский, какой же еще... Странник выпустил булыжник из ладони и заложил руки за голову.

Судя по интонации полицейского, им приказывали выходить из пещеры. Они выбрались под морозящий дождь, ослепленные фарами нескольких полицейских машин. Облава, едри ее в дышло... И сюда добрались!

Поодаль уже понуро выстроились обитатели соседних землянок. Пашку ловко обшаривали привычные к обыску руки, вытаскивали из кармана пакет с героином.

Подошел другой полицейский, что-то отрывисто сказал, указывая в сторону покинутой приятелями пещеры.

— Ты понял? — прошептал Странник. — Йенс подох. От передозы...

Пашка ощутил, что к холоду ветра, дувшего от берегов Норвегии, прибавилось леденящее прикосновение защелкнувшихся на его кистях наручников.

Глава вторая

Аркадий Савельевич Креков, статный белобрысый мужчина средних лет, церемонно принял с подноса официанта фужер золотистого шампанского. Именно принял, а не просто взял: сей светский ритуал состоял из целой вереницы вальяжных движений, последовательность коих была отработана годами. Замедленный кивок склоненной на бок ухоженной головы, левая нога мягко ступает чуть в сторону, расслабленные пальцы руки плавно скользят к подбрюшью холодного фужера... И, конечно же, умиротворенная, блуждающая улыбка человека, снисходительно и доброжелательно относящегося ко всему миру. Успешного, богатого человека.

Можно было, разумеется, надеть на прием чопорный фрак или строгий смокинг, повязать галстук-бабочку, как советовала ему жена, но, по внутреннему убеждению Аркадия Савельевича, это выглядело бы несколько нарочито. А вот дорогой бежевый костюм, галстук в тон ему, рубиновая заколка и крахмальная сорочка — в самый раз. Светлые тона на удивление шли господину Крекову, и в таком наряде он, по его собственному мнению, выглядел куда как респектабельно.

Что еще требуется для того, чтобы у любого собеседника непременно сложился образ

солидного, кредитоспособного бизнесмена? Ну конечно же, требуется банкет, угощение друзей и партнеров по случаю трехлетнего юбилея своего предприятия. И Аркадий Савельевич расстарался, как мог.

По залу ресторана при отеле «Блиц», арендованному под празднование юбилея французской булочной «Изабель», принадлежащей Крекову, шустро сновали официанты с подносами, уставленными разноцветными бокалами, грудами канапе, фруктами и фарфоровыми чашечками с жульеном. Струнный квартет величаво наигрывал Брамса; гости Аркадия Савельевича, начав с шампанского и сухого мартини, уже в большинстве своем перешли на «Блэк Дэниэл» и «Гордонс», а потому в зале стоял нестройный гомон, прерываемый раскатистым хохотом взогретых спиртным бизнесменов самых разных мастей.

Супруга Аркадия Савельевича наотрез не пожелала участвовать в «этой показухе» — так она окрестила нынешнее мероприятие. Сказалась больной, как выразились бы наши предки. Больная! Никакая она не больная, просто жаба ее душит, вот что. Валентине было бы неважно смотреть на то, как их семейные капиталы исчезают в бездонных утробах финансистов, торгашей, посредников и их размалеванных, безмозглых баб. А ему, Крекову, можно подумать, это зрелище доставляет

удовольствие! Как бы не так... Но он терпел, делал вид, что блаженствует на своем злосчастном юбилее.

Все-таки права была Валентина, что отговорила его устраивать вечеринку в ресторане клуба «Монреаль»: там угощение для такой оравы — а собралось человек сорок — обошлось бы многократно дороже. Разумеется, и качество блюд было бы куда выше, и уровень сервиса... Но и здесь, в ресторане отеля «Блиц», все шло пока совсем неплохо. Скоро подадут знаменитые мидии, только не в горшочках, а на огромных блюдах.

К полуночи уже были сказаны все речи, спичи и тосты, приличествующие случаю, гости сбились в тесные компании и давно позабыли, по какому поводу собрались здесь. Каждый обсуждал свое — кто недавний спортивный матч, кто — удачную сделку, а кто — и чужих жен.

«Если бы все это происходило в кино, — подумал Креков, — то, по идее, вот в этот самый момент должны бы распахнуться двери, в ресторанный зал вломилась бы десятка два полицейских, а их главный, в штатском, подошел бы ко мне и ледяным тоном произнес:

— Господин Креков? Вы арестованы. Вы имеете право хранить молчание...»

— Знаешь, кого убили? — старший

оперуполномоченный убоуного отдела МУРа подполковник Максим Басов положил телефонную трубку и повернулся к Алексею Матушкину. — Абрамова, булочника. Ну, того самого, помнишь?

Как не помнить... Молодые супруги Матушкины жили в Южном Чертанове, подполковник Басов обитал в Беляеве, и потому частенько подвозил старшего лейтенанта до дому на своих выдавших виды «Жигулях». Иной раз они прихватывали по дороге жену Алексея Ирину — девушка работала в парикмахерском салоне на Большой Дмитровке. И если успевали, то обязательно заскакивали в булочную-пекарню на улице Миклухо-Маклая, где торговал свежим хлебом добродушный толстяк Абрамов...

Малыш (так в отделе убийств прозвали долговязого, русоголового Матушкина) печально вздохнул. Нет, он, конечно же, не был шокирован словами подполковника — за три с лишним года службы в МУРе Алексей по привычке к ежедневным сообщениям о насильственных смертях. И все-таки... Окончательно свыкнуться с подобными известиями было невозможно. Тем более, когда речь идет о человеке, с которым ты хоть и нечасто, но общался уже долгое время.

Пятидесятилетнего верзилу Абрамова знала, почитай, вся округа — от Беляева до Чертанова. Он выпекал на удивление вкусные караваи и рогалики,

продавал их с пылу-жару. Причем неслыханно дешево. Вот и шли в магазинчик к Абрамову бабули да студенты, чуть не с раннего утра выстраивались в очередь. По всему выходило так, что одинокий булочник зарабатывает ровно столько, чтоб сводить концы с концами — нажива его как бы не интересовала. В общем, покойный был не иначе как благодетелем для местных бедняков и, надо полагать, завтра многие из них будут искренне горевать о его смерти.

Карлсон — так, в свою очередь, за глаза именовали подполковника Басова сослуживцы — взглянул на часы. Стрелки показывали половину двенадцатого ночи. Что ж, на сегодняшнем дежурстве им не придется двигать фигурки по шахматной доске да попивать виртуозно заваренный подполковником чаек.

— Едем, — полувопросительно, полуутвердительно сказал Карлсон.

Вообще-то формально по отделу убийств дежурил один только Матушкин, но 53-летний холостяк Басов, как обычно в таких случаях, остался коротать с ним ночь за компанию. И уж, конечно, ему не улыбалось куковать одному в их общем кабинете, ждать, сидя сиднем, пока Малыш будет пытаться что-то выяснить на месте преступления в обществе других членов следственно-оперативной бригады.

Спустившись во внутренний двор ГУВД, Басов с наслаждением вдохнул бархатистый воздух июльской ночи, подошел к микроавтобусу «Мицубиси», где уже восседали следователь городской прокуратуры Константин Шаравин, судмедэксперт Сергей Груздев и криминалист Слава Зарезин.

— Мужики, мы с Алексеем на моей старушенции поедем, я там немного покручусь и домой двину, спать, — сказал в дверной проем микроавтобуса подполковник. — А вы давайте, не ждите...

— Ну да, это ж рядом с тобой, — отозвался из утробы «Мицубиси» доктор Груздев, который не раз оставался ночевать у Карлсона после обильных возлияний.

Как правило, пил доктор Груздев в одиночку, а Максим был, как он сам выражался, «космическим собутыльником» бородатого судмедэксперта. «Тогда уж не космическим, а виртуальным, так оно моднее звучит», — всякий раз поправлял друга наклюкавшийся доктор.

Из утробы микроавтобуса показалось заспанное лицо следователя Шаравина, он, как всегда, хотел было что-то возразить... Да так и не сумел придумать, к чему тут можно придаться, и хмуρο промолчал.

«Мицубиси» плавно вырулил на Петровку, а

Карлсон и Малыш направились к многострадальной «девятке» подполковника.

Глава третья

Аркадия Савельевича с юных лет прозвали Крекером, хотя тогда он и не помышлял о хлебобулочном бизнесе. Равно как не был он сухим, пресным человеком. Просто фамилия такая, созвучная... Креков. И, между прочим, старинная московская купеческая фамилия. Дед, успешно торговавший скобяными изделиями еще при царе, а потом — во время нэпа, учил маленького Аркашу, что нет никакой разницы, что продавать, лишь бы дело приносило доход. Каким-то образом избежав сталинских репрессий, призыва на фронт, а затем и козней брежневского ОБХСС, дед до последних своих дней спекулировал чем попало на Тишинском рынке и умер в ладу с самим собой незадолго до перестройки.

Значит, и такая судьба вполне может быть счастливой, состоявшейся, что бы там ни говорили моралисты всех времен! Купить дешевле, а продать дороже — вот в чем радость бытия. Как гениально и просто! И при этом ты — уважаемый человек.

Подобно отцу Федору из «Двенадцати стульев», Аркадий Креков с конца восьмидесятых брался за любое начинание, сулившее быстрый

доход. Правда, столь унижительное сравнение Самого Себя с каким-то жалким барыгой-попом не приходило в голову Аркадию Савельевичу. В минуты горьких раздумий о жизни он обычно вспоминал Робинзона Крузо, который при наличии терпения и трудолюбия мог бы разбогатеть в Англии, стать олигархом-плантатором в Бразилии, но вместо этого предпочел рискованные странствия по морям-океанам. Так и он, Креков. Только его океаном было безбрежное море бизнеса, в котором он никак не мог отыскать свою гавань.

Такой гаванью должна была стать наконец-то его булочная-супермаркет с претенциозным названием «Изабель». Годы брали свое, хватит скакать козлом по чужим огородам... Однако и в этом бизнесе далеко не все складывалось так, как хотелось бы Крекову. Полтора года назад Аркадий Савельевич познакомился с владельцем престижного санатория для богатых людей, имеющих отклонения в психике. Доктор Градов — так звали преуспевающего нувориша от медицины — согласился заключить долгосрочный контракт с «Изабелью» на поставку в санаторий крупных партий французских булок и выпечки. Креков под предстоящий контракт закупил дополнительное дорогостоящее оборудование, взял кредиты, это было самое счастливое время в его жизни, время радостных ожиданий...

И надо же такому случиться! Доктор Градов сам оказался психом, к тому же — маньяком-убийцей... Суд признал владельца престижного санатория невменяемым, его отправили на принудительное лечение в какой-то подмосковный дурдом. Градову несказанно повезло: главврачом психушки был его старинный друг, и примерно через полгода хозяин санатория вышел на волю как выздоровевший. Позвонил Аркадию Савельевичу, тот воспрянул духом... Они даже встретились на радостях в ресторане «Охотничий» — Градов питал пристрастие ко всему, что связано с оружием и стрельбой по живым мишеням.

Ан нет, рано радовался господин Креков, да и, как выяснилось, доктор Градов тоже. За время пребывания последнего в дурдоме его сестра, юрист по профессии, сумела оформить опеку над душевнобольным братом, а затем, выпустив дополнительную эмиссию ценных бумаг санатория, стала его фактической владелицей. Градов, узнав об этой проделке, пришел в ярость, кинулся в санаторий, стал сыпать жуткими угрозами в адрес сестры... Та была готова к подобному обороту, Градова скрутили его же бывшие подчиненные и он вновь был отправлен на лечение как рецидивный параноик. Только на этот раз в Казань, где у него не было никаких друзей среди медперсонала

психушки.

Креков приуныл. Кредит до сих пор не возвращен, оборудование простаивает. Что делать? Брать новый кредит, вот что! Бизнес не терпит ни отступлений, ни топтания на месте. Надо нанести ответный удар по жестоким обстоятельствам.

И Креков уже планировал открыть французский кафе-шантан при своей булочной «Изабель».

До улицы Миклухо-Маклая подполковник Басов дорулил за полчаса, по дороге обменявшись с Малышом лишь несколькими фразами. Видно было, что весть об убийстве Абрамова и на опытейшего сыщика произвела тягостное впечатление.

— Как там моя крестница? — машинально спросил Карлсон.

— Да вот, Макс, что-то Ксюшка по ночам горланить стала, — озабоченно отвечал Малыш. — Знаешь, словно по графику, как два часа ночи, так ор подымает. Измучились ее успокаивать. Соску не берет, бутылочку отшвыривает...

Дочке Алексея и Ирины шел третий месяц, окрестили ее, как и положено, на сороковой день, и крестным был, естественно, подполковник Басов. Детдомовцу Матушкину, не имевшему родни, просто не пришло в голову подыскивать

какую-либо иную кандидатуру на столь ответственную роль. К тому же Карлсон был не только наставником Малыша, но и его лучшим другом, хоть и годился Алексею в отцы.

— Врачу показывали? — спросил подполковник, неотрывно глядя на дорогу.

— Показывали... — нехотя бросил Малыш. — Да еще какому! Самому профессору Вишневскому, я на днях пробился к нему, как одержимый какой-то... Прямо не знаю, что на меня тогда нашло — кажется, сквозь стенку в его клинике прошел бы, протаранил.

— А он что?

— Что, что... Сказал: вы, батенька, напрасно так переживаете, это распространенное и даже нормальное явление у современных младенцев. Век, мол, такой нервный, и малышам это передается, они вбирают в себя психическое напряжение общества... Они же слабые еще, не загубившие, не защищенные.

— Ну, это все лирика, — прервал Алексея Карлсон, хотя внутренне был полностью согласен с профессором Вишневским. — Он прописал что-нибудь?

— Прописал. Детский сонапакс. Я все аптеки обзвонил, нигде нет.

— А ты купи взрослый сонапакс и на четвертушки подели. Или нельзя?

— В том-то и дело, что вроде бы нельзя, там тонкости какие-то. В общем, мы пока успокоительным чаем обходимся.

Карлсон надолго замолчал, а Матушкин в очередной раз стал вспоминать чуть ли не курьезную историю имянаречения своей девочки. Ему очень хотелось назвать дочку Ксюшей, он так просил об этом жену...

— Еще чего! — воспротивилась поначалу Ирина. — Чтоб потом ее дразнили: «Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша!»

— Иришка, когда она подрастет, эту песню напрочь забудут, — убеждал Алексей.

Аргумент, как ни странно, подействовал, жена дала согласие и вскоре даже призналась, что лучшего имени и придумать нельзя для их большеглазой, пухленькой девочки.

Но тут из деревни пришло письмо от тещи — прямо-таки истерическое, исполненное паники. Мать Ирины слезно убеждала молодых родителей, что ни в коем случае нельзя называть новорожденную Ксенией, ведь получается, что это в честь преподобной Ксении Петербургской. А та, как известно, была юродивой, и как бы девочка не повторила судьбу своей святой — есть, мол, такая примета. В общем, полный бред. Слава Богу, Ирина не пошла на поводу у своей суеверной мамочки...

Глава четвертая

Аркадий Савельевич, поминутно раскланиваясь с довольными гостями, подошел с двумя бокалами шампанского к спортивного вида мужчине в шерстяном костюме бутылочного цвета, «Ролексом» на левой руке. Этот человек выделялся среди прочих еще и своей ярко-рыжей шевелюрой и такого же вызывающего цвета усами. «Рыжий Гарри» — так прозвали в мире финансов вице-председателя правления банка «Транс-Норд-Ист» Александра Гаврилова.

— Не угодно ли шампанского? — осведомился Креков, улыбаясь Гаврилову.

— Да нет, не стоит, — проворчал Рыжий Гарри и продемонстрировал свой высокий стакан, наполненный виски.

Александр Александрович пил очень много и от этого всегда мрачнел, не в пример нормальным людям. Вот и сейчас было заметно, что Гаврилов лишь усилием воли заставляет себя разговаривать с собеседником более-менее корректно.

В деловых кругах Рыжему Гарри завидовали, его уважали и боялись одновременно. Говорили, что этому «таракану» все сходит с рук — и пьянка, и откровенное, неприкрытое отмывание криминальных денег... Впрочем, все это — мелочь, пустяки. Совсем недавно суд оправдал Гаврилова,

который обвинялся ни много ни мало, как в двойном убийстве, а именно — собственной жены и ее любовника, председателя правления банка «Транс-Норд-Ист» Вадима Биланова, старинного приятеля и босса Рыжего Гарри.

Тогда Александр Александрович более чем тщательно подготовился к двойной ликвидации: для обеспечения стопроцентного алиби он привлек своего единокровного братца, на редкость схожего с вице-председателем банка — даже усы и шевелюра у него были такими же огненно-рыжими. Жил братан в глухой провинции, и Гарри никогда и никому о нем не рассказывал. Он-то, старший брат Алексей, и пребывал под именем Александра Александровича Гаврилова в Курске, в то время как Рыжий Гарри глубокой ночью расстрелял жену-изменщицу и ее хахалю у себя на московской квартире. Вот так вот, без лишних церемоний.

— Как там, Александр Александрович, судьба моего предложения? — вымученно спросил Гаврилова несчастный Аркадий Савельевич.

— Какого предложения? — нахмурился Гаврилов.

— Ну как же! Насчет кредита, можно сказать...

При совершении двойного убийства банкир допустил одну-единственную оплошность: мучаясь похмельем, он налил себе огуречного рассола и

вышел с бокалом на лоджию. Однако, спохватившись, решил уносить ноги с места преступления да и позабыл фужер на морозной лоджии. А утром наступила оттепель...

Вернувшись в свою квартиру около девяти часов утра, Гаврилов вызвал полицию: дескать, он только что прибыл из Курска и обнаружил у себя дома трупы своей жены и Вадима Биланова. Однако ледяной комок, образовавшийся ночью в бокале с огуречным рассолом, еще не успел растаять, и это с головой выдало Гаврилова, утверждавшего, что он пил рассол в девять утра, когда стояла уже плюсовая температура. И муровский подполковник Басов сделал непреложный вывод, что Гаврилов побывал в своей квартире среди ночи, стало быть, алиби у него липовое.

Рыжий Гарри, нервы которого были уже на пределе, сознался во всем. Однако на суде по наущению своего адвоката Александр Александрович изменил показания, заявив, что оговорил себя под нажимом «следственных органов». К тому времени сообщник Гаврилова, его единокровный братец Леха, был найден мертвым в своем родном городе. Да и рыжую шевелюру с огненными усами он перед смертью сбрил — по приказу Александра Александровича. Поэтому адвокат Гаврилова с легкостью поставил под сомнение версию о двойнике, и алиби Рыжего

Гарри вновь обрело под собой юридическую почву. Да и главная улика — лед в бокале с рассолом — выглядела несолидно для столь крупного дела, не говоря уж о том, что комок льда давным-давно растаял, и предъявить его суду уже не было никакой возможности.

Впрочем, у всех присутствующих на процессе очень быстро сложилось впечатление, что, помимо адвоката, в роли защитников обвиняемого Гаврилова дружно выступали как судья, так и прокурор. В результате обвиняемый был освобожден прямо из зала заседаний в связи с недоказанностью его вины. Лица судьи и прокурора откровенно светились счастьем: они справились с поставленной задачей — оправдать скорбящего по убиенной жене рогоносца. Оправдать во что бы то ни стало.

— Так вы насчет кредита? — нарочито удивленно посмотрел на Крекова Рыжий Гарри и беззастенчиво скривился. — Вот оно что... Рассматриваем, Аркадий Саввич, это ведь, сами понимаете, дело не одного дня.

«Вот сволочь! — с досадой подумал Креков. — И отчество мое перепутал, нарочно, что ли, чтоб дать понять, что я для него никто и звать меня никак? Впрочем, он пьян уже, конечно... А все-таки обидно».

Еще бы не обидно! Исключительно ради

Рыжего Гарри и была затеяна вся эта демонстрация мнимого процветания Аркадия Крекова. И каков же, спрашивается, результат сегодняшних денежных затрат? «Рассматриваем...» Такой ответ Креков уже не раз выслушивал по телефону. Надеялся, хоть тут, в неофициальной, так сказать, обстановке, Гаврилов расщедрится на более внятное обещание помочь.

Свобода и возможность продолжать финансовую деятельность дорого обошлись Рыжему Гарри — четырнадцать миллионов долларов выложил он за гуманный вердикт районного суда. Уж не судья ли вкупе с прокурором поделили между собой эти денежки? Никак нет: служители Фемиды действовали не за деньги, не за совесть, а за страх. Некто могущественный и напрочь лишенный человеколюбия недвусмысленно предложил судье и прокурору оправдать подсудимого Гаврилова в обмен на перспективу дышать воздухом и радоваться жизни.

Он-то, бывший полковник «бывших спецслужб» Лисин, а точнее — стоящая за ним нелегальная и негосударственная организация, и получили означенные четырнадцать лимонов баксов.

Деньги заплатил «Транс-Норд-Ист» — в правлении банка справедливо посчитали, что им ну никак не пойдет во благо, если один из высших

руководителей будет признан вмиг в столь брутальном убийстве. Однако... После таких внеэкономических затрат банка у его вице-председателя правления Гаврилова заметно пошатнулись позиции, и потому Рыжий Гарри столь недружелюбно смотрел на довольно сомнительного заемщика, каковым Рыжий Гарри безусловно считал Аркадия Савельевича.

Креков понял, что выбрал далеко не лучший момент для тонких финансовых переговоров. Но и просто так раскланяться и отойти было бы глупо: не затем же он пригласил сюда Гаврилова? Только затем, чтобы лишний раз напоить его?

Из неловкой ситуации Аркадия Савельевича выручил метрдотель, чуть не бегом семенивший к нему через зал с протянутой телефонной трубкой:

— Вас, господин Креков... — пролепетал он с округлившимися глазами.

И добавил вполголоса, чтоб не услышал Гаврилов:

— Из органов...

Басов остановил «жигули» у хорошо знакомого приземистого строения со скромной, какой-то архаичной вывеской «Булочная». Возле магазинчика уже белел «Мицубиси», рядом виднелся полицейский «уазик» местного РОВД.

Подполковник кивнул двум сержантам,

курившим у входа в магазин-пекарню, толкнул дверь. Где-то внутри помещения тоскливо звякнул колокольчик, сыщики уверенно направились к еще одной двери, за прилавком, из-за которой доносились приглушенные голоса. По пути Карлсон бросил взгляд на крепко сбитого мужика, сидевшего на стуле у прилавка и никак не отреагировавшего на появление оперативников.

Комнатушка, куда протиснулись Басов и Алексей, была, с позволения сказать, кабинетом босса, то есть Абрамова. Малыш скользнул взглядом по массивному письменному столу, креслу столь же внушительных размеров, на колесиках, обитому черным дерматином. У входа — вешалка с обычным драповым пальто. Криминалист Слава Зарезин монотонно перечислял предметы обстановки следователю Шаравину, пристроившемуся на стуле с папкой в руке. Впечатление было таким, что в помещении происходит опись имущества, конфискованного за неуплату налогов.

Доктор Груздев, склонившийся в углу, выпрямился и деловито констатировал:

— Макс, определенно можно сказать, что смерть наступила не более двух часов назад, то есть примерно в 22.00. В общем, где-то так.

— Ты что, уже успел все просчитать? — недоверчиво спросил подполковник.

— Ну да... Мы ведь здесь уже минут пятнадцать. Чего тут считать-то? Температура тела, приблизительная масса тела, температура в помещении.

Алексей посмотрел в угол, ярко освещенный фотолампой криминалиста Зарезина: там, на полу, скорчился необъятных размеров булочник, из-под его левой лопатки торчала деревянная ручка хлебного ножа.

— Отпечатки на орудии убийства тщательно стерты, — пояснил Зарезин. — Хотя, может, убийца был в перчатках...

— В июле? — чуть насмешливо перебил его Басов.

В комнату заглянул один из полицейских, которых напарники видели у входа.

— Тут вас, товарищ подполковник, дожидается свидетель, говорит, что он якобы младший компаньон убитого, фамилия — Поликарпов. Это он сообщил по «ноль-два» об убийстве.

Басов повернулся к Алексею:

— Допроси вместе с Шаравиным. Ну, общие сведения — где родился, где крестился, как дошел до жизни такой... И что по делу может сказать. А я пока здесь все осматриваю.

— Труповозка приехала, — сообщил полицейский. — Скажите, когда можно будет его

забирать, санитары ждать не любят, такой уж народ... А ругаться с ними неохота — все ведь там будем.

Глава пятая

Минут через двадцать Карлсон появился в крошечном торговом зале, где Шаравин и Матушкин допрашивали Поликарпова, и позвал Малыша в пекарню.

— Давай, кум, сначала я поделюсь с тобой своими соображениями, а потом ты мне расскажешь о Поликарпове, — скороговоркой предложил Карлсон и, бесцеремонно подхватив Алексея под руку, повлек его в пекарню.

Это было довольно просторное, опрятное помещение с белыми облупившимися котлами для закваски и тремя электрическими духовыми шкафами. Возле одного из них Басов остановился.

— Судя по моей находке, ему вонзили нож в спину вот здесь, — сказал подполковник и ткнул пальцем в железный поднос, валявшийся вверх дном на бетонном полу.

Матушкин наклонился, с грохотом откинул железяку и увидел под ней черновато-красную лужицу. Кровь...

— Умирать ему не хотелось, — задумчиво пробормотал Басов. — Не представляю, как ему

удалось доползти до кабинета? Бедняга...

— Бедняга, — машинально повторил Алексей.

Малыш отчетливо представил, как смертельно раненый Абрамов из последних сил ползет по бетонному полу в кабинет, к телефону, чтобы вызвать «скорую». Карлсон снова взял Алексея за локоть:

— А вот это ты как объяснишь?

От свистящего шепота подполковника у Малыша все похолодело внутри: умел, да еще как умел Карлсон создавать всевозможные сценические эффекты, повергать окружающих в замешательство...

Максим резко распахнул духовой шкаф. Алексей с некоторой опаской заглянул внутрь. Там было пусто.

— Что ты имеешь в виду? — не понял старлей.

— А ты еще не дотумкал? — насмешливо поднял кустистые брови подполковник. — Эх, Леша, пора бы уже наблюдательности-то обучиться, ведь не первый год в МУРе...

— Ну ладно тебе, Макс, — стушевался Алексей. — Говори толком, что ты тут обнаружил!

— А то, — сказал Басов с нажимом, — что печь теплая!

Малыш сунул руку в утробу шкафа. Она дышала неостывшим жаром.

— Остальные две тоже прогреты основательно, — уже спокойным тоном продолжал подполковник. — Но ток отключен. Иди-ка сюда.

Они вернулись в кабинет, где возле открытой форточки безмятежно курил доктор Груздев. Необъятное тело Абрамова только что увезли, и оттого комната сразу стала казаться опустевшей.

Басов показал на график выпечки хлеба, висевший над письменным столом.

— Сечешь? Первый замес в 11 вечера, второй — в час ночи, третий — в три. Печи включаются в полночь. К семи утра выпечка заканчивается, в восемь — пошла продажа. Какого лешего Абрамов включал печи раньше времени, чуть ли не сразу после закрытия магазина? А? Ведь овес, брат, нынче дорог, то бишь — плата за электричество. А выходит так, что работали духовые шкафы вхолостую!

— Тебе видней, — виновато развел руками Малыш, который почему-то всегда тупел в присутствии Карлсона.

— Ладно, проехали, — отмахнулся подполковник. — Но хоть в шахматах-то ты немного разбираешься, верно?

И Басов подвел Алексея к небольшому столику возле окна, на котором стояла шахматная доска, утыканная деревянными фигурами. Надо же, Малыш как-то не обратил на нее внимания, когда

мельком осматривал кабинет.

Доктор Груздев выбросил окурок в форточку и теперь с интересом наблюдал за входившим в азарт подполковником.

— Ну, как тебе позиция? — насмешливо спросил Алексея Карлсон.

Малыш присмотрелся, наморщив лоб... Слов нет, позиция на доске была какая-то странная. В чем ее странность, Матушкин понял не сразу, но наконец-то до него дошло: ё-моё, такого быть не может! Оба короля, и черный, и белый, стояли под шахом!

— Непонятные вещи творились тут во время убийства, — покачал головой подполковник и повернулся к Груздеву. — Вот ты скажи, док, может человек, которому засадили здоровенный нож в сердце, проползти расстояние метров эдак в восемь? А?

— Все бывает, Макс, — нехотя процедил Сергей Сергеич. — В этой жизни может быть абсолютно все, только с разной степенью вероятности. Вплоть до того, что у него сердце справа, а не слева, как то заведено у всех нормальных людей. Его ж еще не вскрывали... Бывают такие феномены, что фантастам и не снились. Редко, но бывают. Я, например, однажды присутствовал при вскрытии мертвеца, и мы обнаружили у него три легких. Одно, правда, было

недоразвитым...

— Понятно, — нетерпеливо перебил судмедэксперта Карлсон. — Ты мне о данном конкретном покойнике говори, Серега!

— Изволь, — кивнул Груздев и демонстративно перешел на канцелярский стиль. — Скажу кратко: согласно канонам официальной, то есть материалистической, науки, смерть гражданина Абрамова наступила мгновенно, если угодно — прямо в момент проникновения колюще-режущего предмета в сердечную мышцу. Все. Доволен?

— Нет, не доволен, — ответил Басов и внезапно подобрел. — Извини, Серега...

— А если опираться не на учебные пособия, а на вековой опыт, — смягчился в свою очередь и Груздев, — то вспомни, Макс, многочисленные свидетельства о том, как во время войны солдаты шли в атаку с пробитым сердцем, случалось, пробегали не один десяток метров. Это доказано, между прочим. Ты знаешь, почему медицину называют гуманитарной наукой, а не точной, хотя, казалось бы, в ее основе лежат биохимия, биофизика, математика? Да потому, что ничего с точностью мы, врачи, увы, утверждать не можем. Нам постоянно приходится домысливать, предполагать, даже фантазировать — а это чистой воды гуманитарщина.

Басов походил в задумчивости по кабинету.

— «И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами...» — тихо пробормотал подполковник.

— Угу, — отозвался Груздев. — «Развяжите его, пусть идет!»

Прежде Малыш всегда тушевался, чувствовал свою неполноценность, когда Басов и Груздев начинали при нем говорить какими-то непонятными цитатами. Но недавно Алексей прочитал-таки Евангелие и теперь знал, что речь идет о чуде воскрешения Иисусом праведного Лазаря.

— А что вам с Шаравиным рассказал помощник Абрамова, Поликарпов? — спросил Карлсон Алексея. — И как он тебе вообще?

Малыш воспрянул, обрадованный тем, что может быть полезен...

Глава шестая

Младший компаньон убитого, на взгляд молодого опера, был человеком мрачным, подозрительным — такой действительно может всадить нож в спину кому угодно. Из показаний Поликарпова выходило следующее. Сам хозяин магазина-пекарни, Евгений Абрамов, выпечкой хлеба не занимался, он вел все финансовые дела и

продавал свежий хлеб с 8 утра до 8 вечера. Частенько, правда, их товар заканчивался уже к пяти часам (Басов кивнул: не раз они с Малышом и Ириной, подъехав к булочной, с сожалением убеждались, что успели аккурат к шапочному разбору). Между прочим, Абрамов исполнял и работу грузчика и сам принимал мешки с мукой от поставщиков с Московского мукомольного завода.

А в роли единственного пекаря выступал Поликарпов — он-то и горбатился возле чанов с закваской и духовых шкафов с 10 вечера до семи утра, потом шел домой отсыпаться. Сегодня, как обычно, Поликарпов пришел на работу к десяти, обнаружил убитого Абрамова и позвонил куда следует.

— Зови его, Малыш, — прищурился Басов. — Сейчас я допрошу его по-настоящему.

В кабинет вошел квадратный, угрюмого вида битюг.

— Почему вы меня столько времени маринуете? — грозно начал он, остановив почему-то свой тяжелый взгляд на докторе Груздеве. — Мне давно хлеб пора печь!

— Вот как? — удивился Карлсон. — Вы, стало быть, считаете нормальным как ни в чем не бывало продолжать работу? Уважаемый, ваш хозяин убит, если до вас еще не дошло. И кто же,

скажите на милость, будет утром торговать вашими бубликами?

Поликарпов сумел-таки понять, что брякнул что-то не то. Его в свое время учили вести себя с ментами твердо, вызывающе, и он, входя в кабинет, даже намеревался потребовать у них документы. Но теперь враз одумался.

— Каким образом вы проникли в помещение? — продолжал подполковник, раскачиваясь с пяток на носки.

— Не проник, а вошел, — вновь попытался взбрыкнуть Поликарпов. — Через служебный вход со двора. Там дверь ведет прямо в пекарню, мы через нее муку загружаем. А что? Я всегда так вхожу, так удобнее.

— Вы включали электрические печи, когда пришли сюда?

— Не успел... Зашел в кабинет, а там Евгений Петрович лежит, мертвый уже...

— А сколько вам платил Абрамов? — ни с того ни с сего поинтересовался Карлсон.

— Слезы, — хмуро ответил пекарь. — Ну, двадцать, иногда — двадцать пять тыщ в месяц. Не густо, верно? За ночную-то работу в этой душегубке.

— Вы что, иногородний?

— Нет, москвич, — с горечью отвечал Поликарпов. — И российский подданный. Но, как

видите, и среди москвичей дураков хватает.

— Вижу, вы не очень-то любили покойного, — вскользь заметил Басов. — Вы, гражданин Поликарпов, наверное, часто уговаривали Абрамова поднять цены в магазине, так ведь? Сколько вы стали бы получать, если бы он продавал хлеб по рыночной цене?

— Тыщ пятьдесят, ну, сорок — это уж как Бог свят, — с готовностью ответил Поликарпов и прикусил губу.

Видно было, что он постоянно мечтал о такой перспективе.

— Любопытно... — протянул Басов. — А почему, кстати, вы называете себя компаньоном убитого?

— Ну, потому, что на бумаге я тоже считаюсь совладельцем пекарни и магазина. Недавно Евгений Петрович предложил мне войти в долю, и я, конечно, согласился. Хотя на деле здесь всем продолжал заправлять он один, а я как был рабочей лошадкой, так и остался. Да где это у нас видано, чтоб трудовой человек был хозяином?

— Не юродствуйте, Поликарпов, — сурово оборвал его Карлсон. — Где видано... Да вот у вас в булочной и видано! Ведь теперь, после смерти Абрамова, не кто иной как вы — владелец всего этого заведения?

— Наверно, — ответил Поликарпов с

каким-то едва уловимым испугом. — Евгений Петрович говорил, что наследников у него нет... Выходит, я...

— Где сидел? За что? — резко спросил подполковник.

— За драку, гражданин начальник, — совсем скис хлебопек. — В Воркуте сидел, уголек кайлил...

— За драку... — слегка сбавил тон Максим. — Потерпевший, поди, кони двинул, на том свете оказался?

— Не-е, через недельку очухался, только вот умом малость повредился... Да он и без того дурной был, как выпьет, за нож хватался.

Стоявший в дверях сержант на всякий случай придвинулся поближе к Поликарпову, цепко следя за его руками.

Басов знаком велел пекарю подойти к окну.

— Увлекаетесь шахматишками? — подполковник указал на столик с клетчатой доской.

Бугай Поликарпов совсем взмок от такого допроса, он совершенно был сбит с толку неожиданными «финтами» этого чернявого, коренастого сыщика.

— Отродясь не играл, — прижал руки к груди хлебопек, будто ему вменяли в вину что-то крайне предосудительное. — А Евгений Петрович баловался, это точно. По вечерам, после закрытия

магазина, к нему приходил приятель, господин Креков, хозяин французской булочной «Изабель», это в трех кварталах отсюда. Шикарное заведение, нашему не чета. А я, начальник, ни-ни, даже как они ходят-то, фигурки эти, не знаю. Меня отец и мать так воспитали, что, мол, не надо бесполезными вещами заниматься, время переводить. Толку никакого...

Басов слегка подмигнул сержанту, стоявшему за спиной Поликарпова, и тот, кивнув в ответ, отстегнул от ремня наручники.

— Вот вы и пашете, как проклятый, от зари до зари, причем за скромные деньги, потому что не делали в жизни ничего бесполезного, — вполголоса произнес доктор Груздев.

Но при этом посмотрел на Поликарпова вовсе не с презрением, а скорее — с сочувствием.

Пекарь совершенно не понял, что имел в виду этот интеллигентишка, но нутром почувствовал обиду.

— Ты мрачный софист, Серега, — оценил высказывание доктора подполковник Басов и обратился к Поликарпову: — Спасибо, любезный, у меня больше нет вопросов. Пока нет. И... Я вас задерживаю по подозрению в умышленном убийстве Евгения Абрамова.

Сержант привычно застегнул наручники на широких, волосатых запястьях Поликарпова и

грубовато подтолкнул его к выходу.

— Это что же, выходит, я его убил? — пытался обернуться верзила, но полицейский уже выпихнул его из кабинета.

Карлсон с размаху грохнул кулаком по письменному столу:

— Не он! Чую, не он!

— Мужики, давайте пожрем, — миролюбиво предложил Сергей Сергеич. — У меня тут с собой бутерброды есть знатные...

— Ловлю на слове, Серега, только дай мне еще минут двадцать, — и Басов вышел в торговый зал к местным пинкертонам.

Домашний телефон хозяина французской булочной «Изабель» Аркадия Крекова подполковник Басов быстренько выяснил с помощью сотрудников местного отделения полиции. Вернувшись в кабинет с довольным видом, Карлсон принялся крутить телефонный диск допотопного аппарата из черного эбонита. Следователь Шаравин, вернувшийся из торгового зала вместе с Карлсоном, терпеливо ждал окончания затянувшейся процедуры осмотра места происшествия.

Сонная госпожа Крекова недовольно пробурчала в трубку, что мужа нет дома — он, дескать, пьянствует на каком-то банкете. Нет,

номер мобильного телефона она дать не может — муж категорически запретил. Басов терпеливо вытянул из нее адрес вечеринки и уже спустя минуту-другую набирал номер администратора отеля «Блиц».

Это и был тот самый звонок, который прервал тягостную для Аркадия Савельевича беседу с Рыжим Гарри.

На другом конце провода, как понял Малыш, все тонуло в шуме гулянки, потому что Карлсон с натугой орал в трубку:

— Алло! Мне Крекова! Уголовный розыск! Это срочно, дело серьезное! Да, жду... Господин Креков? С вами говорит старший оперуполномоченный Московского уголовного розыска подполковник Басов. Отдел убийств. Вам необходимо немедленно приехать в булочную Абрамова. Потом, потом узнаете... Машину выслать? Нет? Ладно, поторопитесь.

Подполковник бросил трубку и отдышался. Поднял глаза: на него со скорбью и укоризной смотрел следователь Шаравин.

— Что такое, Костя? — встревоженно спросил Басов.

— Максим Юрьевич, ну что же вы делаете, а? Это же самоуправство, в конце-то концов, — помимо воли голос Шаравина звучал жалобно. — Почему надо свозить свидетелей среди ночи на

место происшествия? Вы только что задержали подозреваемого, примите мои поздравления. Но с какой такой стати я должен по вашей милости проводить допрос свидетелей здесь, в пекарне? Что, нельзя завтра выехать к тому же Крекову или вызвать его повесткой в МУР или горпрокуратуру?

— Ах, вот оно что, — добродушно рассмеялся Карлсон. — Как там у Пушкина? «Почтен купец в своей лавке»... А следовательно, стало быть, в своем кабинете.

— Ну, при чем тут Пушкин-то? Я вам о процессуальных вещах говорю, Максим Юрьевич.

— Согласен, Костя, ты тут главное и единственное процессуальное лицо. И допросы по закону нежелательно проводить в ночное время — допрашиваемый потом может опротестовать протокол. Поэтому я и не стал совсем уж загонять в угол беднягу Поликарпова.

— Постой, Макс, — вмешался Малыш. — Я чего-то не понимаю. Ты же сказал, что это не Поликарпов...

Шаравин с удивлением уставился на Алексея, перевел взгляд на подполковника. Тот выразительно крикнул, метнул глазами молнию в сторону Малыша и едва не постучал кулаком по лбу.

— Не обращай внимания, Костя, — елеинно проговорил Карлсон. — Товарищ старший

лейтенант и впрямь чего-то недопонимает. И поверь мне, если ты иногда будешь закрывать глаза на некоторые процессуальные нарушения со стороны старика Басова, то быстренько дослужишься до старшего советника юстиции.

Константин махнул рукой и вышел, даже спиной ухитряясь демонстрировать обиду. Этот умник явно издевался над ним. Но, как ни крути, в словах Карлсона была доля истины: именно благодаря тому, что следователь Шаравин довел до суда несколько громких дел будучи в одной бригаде с подполковником Басовым, он и двигался по карьерной лестнице в прокуратуре.

Со своей стороны, и Шаравин был в чем-то прав: следователей уже «достала» оригинальная методика Карлсона, согласно которой место преступления превращалось в помещение для допросов. «Это называется раскрывать дело по горячим следам, — убеждал коллег подполковник. — Когда человек оказывается в той обстановке, где только что произошло убийство, он раскрывается, а порой и выдает себя. Надо лишь внимательно за ним наблюдать. В своем кабинете вы такого эффекта ни за что не добьетесь».

— Налетайте, служивые, — Груздев развернул газету, в которую были завернуты чудовищных размеров бутерброды.

— Ты руки вымыл? — подозрительно спросил

Карлсон.

— А то! — Сергей Сергеич первым взял хлебный лапоть со шматком ветчины. — У меня, старина, это доведено до такого же автоматизма, как в сортире после...

— Стоп! — остановил доктора Максим. — Вам, медикам, все нипочем, а у нас с Малышом натуры тонкие, ранимые... И в смысле пищеварения тоже.

Груздев покивал головой и достал из кармана прозрачную флягу со спиртом. В последнее время Сергей Сергеич все меньше стыдился своего пристрастия к алкоголю...

Глава седьмая

Алексей, жуя бутерброд, изучал фотографии в аккуратных рамочках, развешанные по стенам. Интересный подбор, однако... Вот группа «Роллинг Стоунз», вот Дженнис Джоплин, Джимми Хендрикс... В эту эстрадную компанию непонятно каким образом затесался датский сказочник Андерсен, его портрет висел на почетном месте.

У Малыша была неплохая зрительная память, и он сразу узнал любимого в детстве писателя, чье изображение он много раз видел в детдомовском кабинете литературы. А уж рок-музыкантов и исполнителей он знал в лицо не хуже, чем коллег

по отделу. Именно благодаря своей любви к року он и познакомился в свое время с Ириной: подъехал на удачу к спорткомплексу «Олимпийский» — авось повезет стрельнуть лишний билетик на концерт культовой рок-группы по так называемой «госцене». А Иришка сама подошла к нему, русоголовому, голубоглазому пареньку, предложила место рядом с собой...

— Судя по фотографиям певцов, убитый в молодости принадлежал к хиппи, — предположил Матушкин, стараясь придать своему лицу умный вид. — Смотри-ка, Макс, да ведь это он!

Малыш взял со стола пожелтевший снимок: молодой длинноволосый Абрамов в компании таких же патлатых меланхоликов.

Басов взял карточку, стал ее пристально изучать. Перевернул — на обратной стороне ничего, никаких «опознавательных» записей.

Алексей почувствовал себя в ударе. Он снова подошел к стене:

— Знаете, мужики, отсюда кое-что пропало!

Малыш ткнул пальцем в торчащую из стены шляпку гвоздя. Чуть ниже на обоях выделялось темное квадратное пятно.

— Одной фотографии недостает, — возбужденно провозгласил Алексей. — И я почти уверен, что здесь висел коллективный снимок группы «Дорз» — это главные кумиры для хиппи

всех времен и народов!

— Молодец, сечешь! Зря я тебя укорял... — похвалил напарника подполковник. — Но при чем тут, скажи на милость, датский сказочник Андерсен?

Алексей пожал плечами:

— Шут его знает...

После венчания с Ириной в маленькой подмосковной церкви Малыш подсознательно избегал произносить слово «черт».

— Вообще-то, — неуверенно предположил доктор Груздев, — в Копенгагене находится всемирная столица хиппи — их знаменитый квартал Христиания...

Сергей Сергеич посмотрел на Карлсона и осекся. Он вспомнил, что уже несколько лет в Копенгагене жила со своим новым мужем бывшая супруга подполковника Басова.

Дальнейшие эстрадно-литературные изыскания были прерваны появлением Аркадия Крекова. Он с достоинством затворил за собой дверь кабинета, вопросительно вскинул левую бровь, оглядел Карлсона, Малыша и Груздева, дожевывающих свои бутерброды.

— Разрешите представиться: Креков Аркадий Савельевич, — с почтением к самому себе изрек бизнесмен. — Вы позволите?...

Он неспешно снял легкий летний плащик бутылочного цвета и водрузил все это на вешалку рядом со входом в кабинет.

Малыш, глядя на горбатый нос Аркадия Савельевича, а также отметив легкое грассирование вошедшего, тут же про себя окрестил его «французом». И бизнес-то у Крекова был соответствующий, с галльским уклоном.

— Подполковник Басов, убойный отдел Московского уголовного розыска, — отвечал Карлсон, с любопытством разглядывая еще одного булочника за сегодняшний день, правда, на сей раз — живого и здравствующего. — Этот молодой человек — оперуполномоченный Матушкин, и, наконец, судмедэксперт Груздев. А вот и наш главный, господин Шаравин, следователь по особо важным делам.

Басов картинно отвесил полупоклон в сторону вошедшего Шаравина. Константин хмуро кивнул Крекову, уселся в кресло за стол убитого Абрамова, разложил листы бумаги и приготовился составлять протокол.

— Что произошло? — спросил «француз». — Где Евгений?

— Убит, — лаконично выдохнул Басов и пристально посмотрел на Крекова. — Стандартный вопрос: где вы были между половиной десятого и половиной одиннадцатого минувшего вечера?

— На праздничном банкете, — видно было, что Аркадий Савельевич тщательно взвешивает каждое слово. — Понимаете, моему предприятию исполнилось три года, и я счел нужным отметить это событие. Пригласил партнеров по бизнесу, арендовал ресторан в отеле «Блиц»... В полдесятого я был уже там. Человек тридцать-сорок могут подтвердить, что вплоть до двенадцати я никуда не отлучался.

— И, похоже, даже ничего не пили, кроме соков, — иронично заметил подполковник. — Довольно странно для юбилейного банкета, вы не находите? Или у вас проблемы со здоровьем?

— Вы не правы, господин... ммм... Басов, — мягко возразил «француз». — Пару бокалов шампанского я принял. Надеюсь, вы простите меня за то, что после этого я приехал сюда на своей машине?

— На этот счет будьте спокойны, — утешил его Карлсон. — Мы не из ГИБДД.

Басов прошелся по кабинету, задумчиво теребя нижнюю губу.

— Это что же получается, Аркадий Савельевич, — вкрадчиво начал подполковник, — вы, стало быть, бросили своих гостей, помчались сюда чуть ли не через всю Москву... Мне, конечно, отраднo, что вы с таким уважением относитесь к правоохранительным органам, и все-таки,

согласитесь, ваше стремление быть полезным полиции выглядит довольно странно. Особенно в столь знаменательный день. У вас уже были проблемы с законом? Или вы привлекались как свидетель?

— Вот именно, что нет! — выпалил Креков. — Для меня ваш звонок был неожиданностью, причем не из разряда приятных... Тем более, что вы сказали по телефону, что представляете отдел убийств... Вам, подполковник, видимо, трудно понять, что испытывает обычный, законопослушный гражданин, когда с ним впервые в жизни общается сотрудник МУРа! Да еще таким категорическим тоном... Тут не то что с банкета, с унитаза, пардон, бегом помчишься, куда скажут.

Аркадий Савельевич старался говорить как можно убедительнее. Он понимал, что его согласие приехать среди ночи со светского раута в зачуханную пекарню выглядит и в самом деле нелепо. Но не будет же он, в конце-то концов, растолковывать этому бесцеремонному, назойливому подполковнику, что вечеринка потеряла для него всякий смысл, более того, стала отвратительной после крайне неприятного разговора с Рыжим Гарри...

— А чем вы объясните вот это? — Карлсон подвел насторожившегося «француза» к столику с шахматной доской.

— А-а, — вздохнул Креков. — Я заехал сюда после семи вечера, и мы с Абрамовым сгоняли пару партий. Как обычно. А где-то в девять я отправился прямо отсюда на банкет.

— Интересно, кто же выиграл? — невинно поинтересовался подполковник.

— Я, — серьезно ответил Аркадий Савельевич. — Я всегда у него выигрывал.

Груздев подмигнул Малышу: доктор уже предвкушал очередной «ход» Карлсона.

— Ну, это смотря по каким правилам играть, — плотоядно осклабился Басов. — Взгляните повнимательнее на доску!

«Француз» насупился...

— Это не наша позиция... Тут бредятина какая-то. Вероятно, после моего ухода Абрамов разыгрывал варианты сам с собой и случайно поставил шах обоим королям. Кстати, как он был убит?

— Нож в спину, — холодно ответил Карлсон. — Потом убийца вышел через черный ход. Вы, между прочим, тоже ведь им воспользовались, господин Креков?

— Да, — пожал плечами Аркадий Савельевич. — Я и машину свою там парковал, когда приезжал в Евгению после работы.

Карлсон, словно прикидывая что-то, оглядывал высокую фигуру «француза».

— Волейболом увлекались? — вдруг спросил подполковник.

— Н-да... — ответил Креков растерянно. — В молодости играл за институтскую команду, да и теперь, знаете ли, не упускаю случая побывать на площадке, потряхнуть стариной. А к чему вы это?

— Покажите ладонь, — потребовал Карлсон, и Креков лопатой протянул ему правую руку.

Тыльная сторона ладони была твердой и гладкой, загрубевшей от волейбольного мяча.

— Судя по руке, вы были неплохим подающим...

— Не только, — с готовностью подтвердил Аркадий Савельевич. — Я и возле сетки играл отменно, прямо скажем. И все-таки, куда вы клоните?

— Видите ли, спортивный вы мой Аркадий Савельевич, — с расстановкой начал подполковник. — Я ведь тоже играл в волейбол, был отменным подающим, хоть и ростом не вышел. Прыгучий был, понимаете? Прыгучесть, она многие недостатки компенсирует... Так вот, удар, который был нанесен Абрамову, может исполнить далеко не любой и каждый. Согласитесь, всадить большой, чуть не в локоть длиной, ножище, да еще при этом попасть точно в сердце с одного удара, может либо мясник, либо профессиональный убийца, либо... волейболист. Техника примерно та же: удар с

большого замаха, сверху вниз... У меня складывается твердое убеждение, что в момент удара Абрамов сидел, склонившись над чем-то. Скажем, над шахматной доской. Убийца зашел сзади, он делал вид, что разминает ноги, пока Абрамов обдумывал свой ход. Нож, очевидно, лежал на столе. После удара Абрамов повалился вперед, и шахматные фигурки рассыпались по полу... Вы не можете сказать, с кем еще Абрамов мог играть в шахматы после вашего ухода?

— Нет, мне неизвестны другие его шахматные партнеры, — не задумываясь, ответил Креков. — Но продолжайте, подполковник, все это крайне интересно...

— Еще как интересно! — Басов поднял вверх палец. — Самое любопытное только начинается... Дело в том, что преступнику зачем-то понадобилось создать впечатление, будто убийство произошло в пекарне. В кабинете только один стул, на нем, очевидно, сидел во время игры гость Абрамова. Стало быть, Абрамов восседал в своем любимом кресле. Оно на колесиках, легко перемещается.

При этих словах следователь Шаравин испуганно вскочил с кресла, сидя в котором он вел протокол.

— Правильно, Костя, — кивнул подполковник. — Там наверняка остались кровавые

пятна, ты можешь испачкать костюм.

Шаравин принялся извиваться, лихорадочно обследуя свои тылы, но на темной ткани, разумеется, ничего не было заметно.

— Тебе остается надеяться, Костя, что он, — Басов словно бы случайно посмотрел на Крекова, — догадался протереть кресло от крови.

Подполковник взялся за подголовник кресла, подкатил его к шахматному столику. Малыш с замиранием сердца, в восхищении наблюдал за Карлсоном, не замечая, что рот его слегка приоткрылся. Груздев, скрестив руки на груди и облокотившись о стену, одобрительно выпятил губы: как-никак, новая версия полностью соответствовала его профессиональному выводу о мгновенной смерти потерпевшего.

Глава восьмая

— Итак, — продолжал Басов, — убийца откинул тело Абрамова назад на спинку кресла, собрал с пола шахматные фигуры и расставил их на доске. Тут он допустил первую оплошность: впопыхах объявил шах обоим королям сразу, что и привлекло внимание сыщика Басова.

— Гениального сыщика Басова, — уточнил Груздев.

— Совершенно верно, — согласился

Карлсон. — Затем он покати́л кресло с покойником в цех-пекарню... Так-то ведь, на руках, Абрамова не утащишь, тяжел больно.

И подполковник, будто санитарка с инвалидной каталкой, двинулся к двери в пекарню. На какой-то момент Малышу показалось, что массивное кресло не пройдет в довольно узкую дверь, и вся версия рухнет, но Басов «миллиметр в миллиметр» миновал дверной проем, и все проследовали за ним в пекарню.

Карлсон остановил кресло возле подноса, лежащего на бетонном полу.

— Что дальше? — спросил Креков напряженно.

— Дальше-то? — Карлсон почесал кадык. — А Бог его знает... Я же все-таки приехал спустя два часа с момента убийства. Кстати, когда вы покидали сие заведение, духовые шкафы случайно не были включены? Вы не обратили внимания?

— Нет, знаете ли, не обратил...

— Ну как же так, господин хороший! Вы же сами, с позволения сказать, хлебопек, профессиональная наблюдательность вам, вероятно, присуща... Ведь чтобы выйти к машине через черный ход, вы непременно должны были пройти через пекарню. Они же гудят, наверное, печи эти?

— Нисколечки не гудят, — со

снисходительной улыбкой отвечал Креков. — Принцип их действия прост: электричество нагревает спирали, укрепленные на стенках. И все. Да вы сами можете испытать. Никакого шума.

— Да? Ну и ладушки. А кстати, сколько времени требуется, чтобы раскалить печи до нужной температуры? Ну, перед тем, как формы с тестом загружать?

Креков сосредоточенно соображал.

— У Абрамова шкафы старые, но, как мы говорим, зверские. Думаю, до двухсот градусов они раскалялись минут за пятнадцать, максимум — двадцать.

Подполковник подошел к электрическому щитку, осмотрел рубильники с черными пластмассовыми набалдашниками.

— Слава! — заорал Карлсон так, что его, наверное, услышали и патрульные на улице.

Появился испуганный криминалист Зарезин с недоеденным бубликом в руке.

— Мародерствуешь? — ехидно просил Басов.

— Максим Юрьич, мы взяли всего-то по штучке, там осталось три бублика... Все равно магазин теперь несколько дней работать не будет.

— Ясно, хлеб — это святое, он не должен пропадать... Ты вот с этих рубильников отпечатки пальцев снял?

— Обижаете, товарищ подполковник! Я же не

первый день работаю... Нет там никаких отпечатков, все гладко и стерильно, как в лаборатории.

— Утешил... Ладно, иди, ты еще понадобишься.

— В пекарне обычно работают в холщовых рукавицах, — насмешливо вставил Креков.

Басов зорко глянул на «француза», наклонился, поднял лежащий вверх дном железный поднос. Лужа крови под ним подсохла и стала почти совсем черной.

— Кресло с мертвецом простояло здесь какое-то время, достаточное для того, чтобы натекла вот эта лужица, — продолжал Басов. — Затем кто-то (возможно, убийца) прикатил кресло назад в кабинет, сбросил тело Абрамова на пол и поставил кресло к письменному столу. Это было сделано для того, чтобы убедить следствие, будто убийство произошло после того, как партнер Абрамова по шахматам покинул помещение. Мол, Абрамов сел на единственный стул и принялся разыгрывать различные комбинации в одиночку. Потом он якобы услышал, как с черного хода в пекарню вошел Поликарпов, отправился его встречать и получил удар ножом от своего компаньона. А глупый Поликарпов, в свою очередь, якобы хотел свалить убийство на шахматного партнера Абрамова и перетащил тело из пекарни в

кабинет. В общем, убийца так старался запутать следствие, что в результате и сам запутался.

— А вы что, совершенно не допускаете, что так оно и было? — спросил Креков. — Я имею в виду, что убийца — Поликарпов?

— Ну почему же, — кисло ответил Басов. — Допускаю, конечно... Тем более, что Поликарпов ничего не смыслит в шахматах и действительно мог изобразить на доске самую абсурдную позицию, если случайно задел доску и рассыпал фигуры. А что вы, кстати, можете сказать о компаньоне Абрамова?

— О Поликарпове? — Креков задумался. — Замкнутый человек, но работник стоящий. Признаюсь, я даже одно время подумывал переманить его к себе. Но недавно Поликарпов стал младшим совладельцем пекарни, у него появились перспективы, надежды на будущее...

— И оно наступило, — мрачно сказал Карлсон. — Кстати, Аркадий Савельевич, у вас была коммерция с убитым? Или конкуренция?

— Нет, у нас разная клиентура. Скажите, подполковник, вы уже кого-то конкретно подозреваете? Я понимаю, что такие вопросы обычно остаются без ответа...

— Отнюдь, — в тон ему ответил Карлсон, раскачиваясь, по привычке, с пяток на носки. — На сей раз готов сделать исключение. Видите ли,

Аркадий Савельевич, я склонен был бы подозревать вас...

— Но почему? — вскинулся «француз».

— Почему, почему... Поработайте с мое в уголовном розыске, тогда поймете. И не обижайтесь понапрасну. Право, не стоит. У вас надежное алиби на момент убийства... Правда, доктор еще не сказал окончательного слова, и теоретически допустимо, что Абрамов еще жил какое-то время после удара ножом в сердце.

— Ну, это вряд ли, — буркнул Груздев.

— Вот именно, — смилостивился над Сергеем Сергеевичем Карлсон. — Всецело доверяя доктору, я по подозрению в убийстве Абрамова задержал гражданина Поликарпова. Поэтому я и расспрашивал вас о нем столь подробно.

— А вы знаете, — оживился вдруг Креков, — ведь тут крутился еще один тип, безобразный длинноволосый парень лет двадцати. По-моему, он был неприятен Абрамову, но тем не менее Евгений почему-то кормил его, давал ему ночлег в магазине, в уголке. Раскладушку из дома для этого оборванца принес... Так этот парень у него постоянно выпечку разную воровал. Все это длилось примерно неделю, а позавчера Абрамов не выдержал и вышвырнул парня с глаз долой.

Малыш и Карлсон переглянулись. Хиппи? Старый дружок? По возрасту не подходит...

— Спасибо, Аркадий Савельевич, за дополнительную информацию, — бросил подполковник и снова склонился над креслом, провел пальцем по черной глади кожзаменителя, удовлетворенно хмыкнул.

— Костя! — окликнул он Шаравина. — Можешь особенно не беспокоиться за костюм. Убийца вытер кровь довольно тщательно. Если, конечно, ты не помог ему своими брюками...

Карлсон выпрямился.

— Тряпку он, скорее всего, взял в пекарне, там полно ветоши, — задумчиво сказал Басов. — А куда он потом ее дел? Скорее всего, прихватил с собой, это же улика. Ее надо где-нибудь выкинуть. Если убийца был за рулем, то он, я думаю, кинул окровавленную тряпку в багажник своего автомобиля. Может, она и до сих пор там, а?

Подполковник посмотрел на Крекова и весело подмигнул:

— Пошли к машине, Аркадий Савельевич!

Глава девятая

Лидия Марковна Галушко, одинокая пенсионерка семидесяти шести лет, сидела возле окна своей кухоньки, подперев щеку костлявой ладонью. Старческая бессонница уже стала привычной, необременительной. Лидия Марковна

обычно спала два часа под утро, перед открытием булочной Абрамова, да еще часа три после обеда.

Окна ее однокомнатной квартирki на первом этаже панельной «хрущевки» выходили на проезжую часть, а прямо напротив, на другой стороне дороги, хорошо был виден фасад булочной-пекарни. Для Марковны уже несколько лет стало делом чести всякий день быть первой покупательницей у Абрамова. Тоже своего рода смысл жизни... Ничем не хуже любого другого. Тем более, что все остальные «смыслы» остались в далеком прошлом, и слава Богу.

Впрочем, сегодняшней ночью старушке было не до скудных размышлений о прожитой жизни. В булочной Абрамова происходили знаменательные события. Сначала Марковна увидела, как к магазину подъехал полицейский «воронок», в булочной зажегся свет и этот дундук Поликарпов впустил в помещение стражей порядка. Потом подъехала еще одна машина, за ней — еще...

Обокрали! Так она и знала. Даром, что ли, ночами просиживала возле окна? Она-то все видела, чувствовала — быть беде. Почему не сообщила в полицию, что мешало снять телефонную трубку и набрать «ноль-два»? Ведь телефон ей бесплатно установили еще семь лет назад, как участнице трудового фронта...

Марковна и сама не могла бы объяснить,

почему не просигналила об опасности. Вроде бояться ей уже нечего, возраст не тот, и все-таки... Одно дело — обсуждать с соседками продажных, ленивых ментов, и совсем другое — заранее дать знать о готовящемся преступлении.

Пусть все идет как идет, без нее. А она живет, как таракан в щели...

А может, дело было вовсе даже и не в этом. Абрамов и его булочная-пекарня давно стали в районе чуть ли не главной темой для пересудов. Почему толстяк продает хлеб так дешево? Тут что-то нечисто... Может, мука ворованная? Или, чего доброго, какая-нибудь поддельная, искусственная? Да нет, вроде вкусные булочки, черствеют в срок, не крошатся при нарезке...

А почему булочник неженат? Какая-то из старушек поведала, что, дескать, Абрамов при советской власти сидел в тюрьме, и жена с ним развелась. Старый ворюга, матерый...

Тут-то все и разъяснилось: ну конечно же, булочная — лишь прикрытие для тайных махинаций, чтобы власти не заинтересовались: откуда, мол, у тебя миллионы? Соседка Лидии Марковны — а может, и она сама, кто теперь помнит? — божилась и клялась, что у Абрамова под Москвой — пятиэтажный дворец, он только прикидывается бедным. Бедный, как же!

И округа постепенно возненавидела

булочника от всей души (вопреки предположениям Карлсона, между прочим). Глядя на его огромный живот и отвислые щеки, бабки ворчали: «Отожрался, сволочь, на наши пенсии! Чтоб ты подавился когда-нибудь...».

Вот и обокрали тебя наконец-то, голубчик, — думала Марковна, глядя в окно.

Э, да тут, видно не просто кража! К булочной подъехала машина, похожая на «скорую помощь», из нее двое санитаров выгрузили носилки. Надо идти, посмотреть... Обматерят, так обматерят — чай, не впервой.

И Марковна, кряхтя, стала одеваться. Снова подошла к окну. Санитары натужно тащили из булочной носилки с грузным телом, накрытым простыней. О Господи! Старушка мелко перекрестилась и засемила к выходу.

Аркадий Савельевич, ежесекундно чертыхаясь, сражался с замком на багажнике своей желтой «Ауди-100». Вот уже минут пять он никак не мог справиться с нехитрым устройством, и всем это уже порядком надоело. Благодушеествовал только один доктор Груздев: его нервную систему успокаивал выпитый спирт.

Басов смотрел на пыхтящего Крекова насмешливо, а Малыш подумал: «Нарочно сломать замок хочет, надеется, что мы рукой махнем... Не

на тех напал, «француз» холеный! Нас на измор не возьмешь, как ваших в Москве в 1812 году».

За всем происходящим угрюмо наблюдал из муровского «Мицубиси» задержанный Поликарпов...

— Да вы не нервничайте, Аркадий Савельевич, — процедил подполковник. — Хотите, я вам помогу?

— Не надо! — раздраженно обернулся Креков. — Сам справлюсь... Этот поганый замок меня уже достал, придется менять...

Раздался глухой щелчок, и крышка багажника, снабженная отменной гидравликой, плавно поехала вверх.

— Смотрите! Изучайте! — бросил Креков и отошел чуть в сторону.

Басов взял у сержанта фонарик, посветил в глубину багажника. Запаска, портативный огнетушитель, аптечка, домкрат, монтировка, пластмассовый ящичек с инструментом...

— А где же тряпки? — спросил Крекова Басов.

— Какие еще тряпки? Что за издевательство? — простонал «француз».

— Ну как же, Аркадий Савельевич, — терпеливо, будто малому ребенку, начал объяснять Карлсон. — Судя по содержимому вашего багажника, вы можете в случае необходимости

самостоятельно устранить мелкую неисправность в машине, ну, заменить свечу, колесо...

— Да, могу, как любой нормальный советский водитель, — раздраженно отреагировал булочник; видно было, что он с трудом держит себя в руках.

— Все нормальные, как вы изволили выразиться, советские водители возят с собой ветошь, — тяжело отвесил подполковник. — Даже если ездят на иномарке. Откройте салон!

Басов изучил пахнущую дезодорантом утробу «Ауди», выпрямился:

— И там пусто.

— Максим Юрьевич, я не могу квалифицировать как улику отсутствие в машине ветоши, — вмешался Костя Шаравин с таким серьезным выражением лица, что подполковник еле удержался от улыбки.

Подошел сотрудник местного райотдела, отозвал в сторонку Карлсона, начал докладывать. Как ни старался сержант говорить тихо, все прекрасно его слышали:

— Ничего нет, товарищ подполковник... Все вокруг обыскал, тряпки не нашел.

Поодаль, возле муровского микроавтобуса «Мицубиси», его напарник энергично объяснялся с какой-то бабкой, которая, несмотря на теплую ночь, была в телогрейке и длинной шерстяной косынке. Сержант цепко держал за локоть суетливую

старушку.

— Ты мне покажи, кто у вас тут главный! — донеслось до оперативников. — Я знаю, кто его убил!

Басов подал знак, и полицейский отпустил гражданку Галушко. Марковна, как того и боялся Алексей, долго и нудно объясняла, что живет напротив и страдает бессонницей. Заметив полицейских и суету возле булочной, она решила выйти поинтересоваться: может, ограбили? А тут, оказывается, убийство!

Так вот, Галушко подтвердила рассказ «француза»: в магазине целую неделю жил противный молодой бездельник, по виду — наркоман, который ужасно злил покупателей. Слонялся по торговому залу грязный, вонючий, постоянно приставал к людям, кланчил деньги... Абрамов объяснял недовольным клиентам, что это его сторож. Но на кой он нужен, если по ночам в пекарне работает Поликарпов?

— Я покойному так и говорила: гони ты его в шею, как бы он бед не натворил. И вот оно как вышло-то... Этот длинноволосый вторую ночь у нас на чердаке ночует. Я хотела было милицию вызвать, чтоб его забрали, да пожалела, молодой ведь совсем, видать, жить негде... А около десяти вечера я его возле булочной видела, ошивался тут.

— «Пожалела...», — передразнил бабушку подполковник. — Ишь, какие жалостливые! А то я вас не знаю. Все-то вы видите, все знаете и сидите, как мышки в норке, пока не убьют кого-нибудь, не ограбят, не изнасилуют... Давай, мать, веди, показывай, где берлога у твоего наркомана. Только обожди чуть-чуть...

Басов подошел к Аркадию Савельевичу:

— Вы свободны, гражданин Креков. Но имейте в виду, что в самое ближайшее время мы вас, скорее всего, вызовем. Надеюсь, вы никуда не собираетесь уезжать?

— Не собираюсь. Хотя, честно говоря, я бы с удовольствием сбежал хоть в преисподнюю, лишь бы с вами больше не встречаться.

«Француз» с достоинством взялся за ручку передней двери «Ауди-100».

— Пойдите, — осадил его Басов. — Э-э... Видите ли, коль скоро вы имели неосторожность сознаться нам, что выпили спиртного, я просто не имею права позволить вам сесть за руль в нетрезвом состоянии.

— Что-о? — возопил Креков. — Да после такого пристрастного допроса даже мертвецки пьяный протрезвеет! А я только шампанского пригубил.

— И тем не менее, уважаемый Аркадий Савельевич, тем не менее, — стоял на своем

Басов. — Да вы не волнуйтесь, вас довезут до дома на патрульной машине. «Уазик», конечно, не «Ауди», зато вы поедете к жене, а не в кутузку. И за транспорт свой не волнуйтесь, присмотрим. Завтра заберете. Или сами, или кто-нибудь из ваших близких... Дайте ключи.

Последние слова подполковника прозвучали довольно-таки зловеще.

Креков покорно отдал ключи от машины и двинулся к «уазику», а подполковник поманил к себе криминалиста Зарезина и доктора Груздева.

— Слава, отгонишь «Ауди» на Петровку, сделаешь микроскопический анализ на предмет наличия кровяных клеток в багажнике. Такому же анализу подвергнуть обивку кресел. Все понял?

— Все, — вздохнул Зарезин. — Когда должно быть готово?

— Всегда, — ухмыльнулся Басов.

— Ясенько...

О чем Басов говорил с Сергеем Сергеевичем, Малыш не расслышал. Приобняв доктора за плечи, подполковник отвел его в сторонку и обстоятельно что-то втолковывал. Когда Груздев пошел в пекарню за своим чемоданчиком, Басов крикнул вдогонку:

— С меня бутылка, Серега!

— Хорошая? — обернулся Груздев.

— Ну, это судя по результату...

Глава десятая

Распугивая спящих голубей, оперативники в сопровождении сержанта полиции продвигались сквозь чердачные джунгли, освещая путь фонариками.

— Головы берегите! — прошептал Карлсон.

Всюду торчали почерневшие деревянные сваи, перекрытия, густо устланные слежавшимся птичьим пометом. Под ногами хрустела угольная крошка.

Бродягу они отыскивали довольно быстро. Он устроил себе лежбище между двумя поперечными бревнами, навалив на пол затхлое тряпье. Растолкать парня было нелегким делом: он пребывал в изрядном наркотическом дурмане, с отвисших губ текли слюни.

Молодой хиппи ровным счетом ничего не помнил из событий минувшего дня, лишь толковал, что сам он из Питера, прозвище его Странник. Когда собрался в столицу, «папа» (пятидесятилетний питерский хиппи) порекомендовал ему отыскать в Москве Сказочника. Он, дескать, приютит и накормит.

Сказочником, судя по всему, в мире хиппи называли убитого булочника Абрамова. «Вот почему у него в кабинете висит портрет

Андерсена», — с грустью подумал Малыш.

— Он заставлял меня работать, это нарушение наших законов, — хныкал Странник. — Я отказался, и он вышвырнул меня вон, дал только двести рублей. Разве это деньги?

— Конечно, маловато на наркотики, — с ненавистью проговорил Басов. — Это откуда у тебя, подонок?

Подполковник держал в руке фотографию рок-группы «Дорз». Она была точно в такой же рамочке, что и другие в кабинете Абрамова...

— Поликарпов, на выход! — весело выкрикнул Алексей, просунув голову в салон «Мицубиси». — Свободен... Скоро опять хлеб будешь печь, старух радовать.

— Уж он порадует, как же! — проворчала Лидия Марковна, глядя, как довольный Поликарпов выпрастывается из микроавтобуса. — Поди, завтра же цены подымет.

Поликарпов промолчал, размял затекшие после наручников кисти, поклонился оперативникам и зашагал в темноту проулка.

Шатающегося Странника затолкали в «Мицубиси», парень буквально повалился на пол между мягкими, обшитыми добротной тканью сиденьями — руки наркомана были скованы за спиной наручниками.

— Блин, после этой скотины салон надо неделю проветривать, — скривился водитель. — Эй, не вздумайте его на сиденье сажать, вшей напустит! Как они могут так жить, не понимаю...

Из дверей магазина показались доктор Груздев и следователь Шаравин. Они, не сговариваясь, сели на два передних сиденья рядом с водителем, и несчастному Малышу пришлось забираться в салон, где пускал слюни задержанный наркоман по прозвищу Странник.

Басов сочувственно заглянул в темноту салона, отыскал глазами Алексея:

— Ты уж давай, дуй в МУР, оформляй этого хиппаря в изолятор, додежуривай, а я домой двину, хоть немного посплю... Часов в восемь утра увидимся.

В следственном изоляторе ГУВД Малыш проконтролировал, чтобы Странника отвели в душевую, сменили его вонючие обноски на казенную одежду, которая болталась на нем, как на огородном пугале. После этих процедур парень преобразился почти что до обретения человеческого облика — все-таки молодость брала свое...

В камере, куда втолкнули бродягу, уже были несколько задержанных. Получив пару раз в репу — «для прописки», Странник улегся на свою койку

и беззвучно заплакал...

Нет, не побои и не мысли о предстоящем длительном сроке заключения терзали убитое наркотиками сердце хиппаря. Просто он вспомнил строгорезжимную тюрьму в Хорсенсе, где пробыл всего-то с месяц. Но этот месяц стал самым светлым воспоминанием в его короткой жизни.

Когда их с Пашкой Долгановым доставили из «пещерного» поселения хиппи в ближайший полицейский участок в Йёринге, студент Оксфорда повел себя развязно и вызывающе. Еще бы! Документы у него были в порядке, денег на уплату за освобождение под залог хватало, а за спиной маячил папаша-магнат. К тому же и проблем с языком у Долганова не наблюдалось. В Дании все поголовно знают английский, а Пашка владел им даже лучше, чем простой британец.

Однако юному Долганову довольно сухо объяснили, что героин — это не марихуана, и за такое количество порошка даже в Дании предусмотрено уголовное наказание. Пашкин же аргумент, что он сын российского миллионера, и вовсе прозвучал бледно: следователь насмешливо дал понять наглому отпрыску нефтяного магната, что Дания — не Россия, со всеми, как говорится, вытекающими.

Впрочем, освобождения под залог Пашка еще мог бы добиться, не поведи он себя в полицейском

участке самым что ни есть непотребным образом. Героин еще действовал в его непривыкшем к наркотикам организме, и Долганов, что называется, завелся: под конец длинной пашкиной тирады в его богатом арсенале уже не осталось ни одного неозвученного английского ругательства. Милостиво выслушав оксфордского студента, следователь отправил его в камеру.

Наступила очередь Странника. Следователь долго пялился в его замызганный российский паспорт, брезгливо морщился, перелистывая грязные, вонючие страницы и, наконец, снова вызвал Долганова — уже в качестве переводчика.

— Пишите, он — Иванов, — диктовал успокоившийся студент по-английски. — Сергей.

— Сергей Иванов? Вы что, издеваетесь? — вскипел следователь и отправил в камеру уже обоих.

В камере Пашку и Странника слегка обработали резиновыми дубинками и оставили наедине.

— Чего это с ними? — прошептал Странник, для которого только что состоявшаяся экзекуция была не чем иным, как массажем по сравнению с тем, что ему в свое время пришлось вытерпеть от российских ментов.

— Чего, чего, — морщась, потирал бедро Пашка. — У тебя имя-фамилия — как у нашего

бывшего министра обороны. Усек? А откуда этому дебилу знать, что у нас Сергеев Ивановых — как грязи? Вот он и взбесился, подумал, что мы ваньку валяем...

На следующий день, ближе к вечеру, уже другой следователь вызвал Долганова и поздравил: на плунжере пятикубового шприца, обнаруженного в их землянке, «верхним» был отпечаток указательного пальца покойного Йенса Бострупа. Таким образом, доказано, что смертельную дозу героина он ввел себе сам, и с господ Долганова и Иванова снимается подозрение в преднамеренном убийстве.

Пашка мало что смыслил в юриспруденции, он никак не мог понять сложной аргументации следователя, а именно: на каком основании ему, российскому гражданину Долганову, отказывают в предоставлении адвоката. Пашка лишь уяснил, что основания таковые имеются, и главное из них то, что судить Долганова по факту наличия у него тридцати пяти граммов героина будут в России, по российским законам. Дело в том, что полиция Дании связалась с отцом Пашки, президентом дочерней нефтяной компании «Джокер ойл» Прохором Долгановым, в результате чего буквально через пять часов по факсу пришел запрос из Генеральной прокуратуры РФ о выдаче Павла

Прохоровича Долганова российской стороне. То есть, говоря юридическим языком — экстрадиции. А эта процедура, извините, займет определенное время...

Что касается господина Иванова, то пока ему никаких обвинений не предъявлено — ведь пакет с героином обнаружили у оксфордского студента. Поэтому после необходимых дознаний и согласований с российской стороной он будет просто депортирован на родину. Если, конечно, за ним не числятся уголовные преступления в Дании и в России.

Обо всем этом Пашка рассказал Страннику, после того как полицейский врач сделал страдающему хиппарю укол слабенького раствора кокаина. А еще через день их обоих перевели в Хорсенскую строгорежимную тюрьму — ждать решения об экстрадиции и депортации.

— Почему в строгорежимную? — испуганно спрашивал Долганова Странник, когда они ехали в зарешеченном отсеке полицейского микроавтобуса.

— Потому что мы — русские, — мрачно отвечал Пашка. — То есть, по здешним понятиям — особо опасные заключенные. Интересно, что за строгости такие изобрели для нас королевские сатрапы?

Глава одиннадцатая